

— Столько правды и столько неправды, что я хорошенько не знаю, какъ и отвѣтить вамъ, — сказалъ Роденъ.

— Но вы же? — спросилъ Гератъ... и остановился, не держа выговорить громкій титулъ.

— Нѣтъ, это-то именно и несправедливо, — возразилъ тотъ.

— Но это правда, — крикнулъ Крокеръ, вскакивая со стула. — Правда, правда! Это совершенно вѣрно. Онъ — герцогъ ди-Кринола. Конечно, мы такъ будемъ называть его, мистеръ Джирнингемъ; неправда ли?

— Право, не знаю, — сказалъ мистеръ Джирнингемъ.

— Позвольте мнѣ знать свое имя, — сказалъ Роденъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — продолжалъ Крокеръ. — Это дѣлаетъ честь вашей скромности, но друзья ваши этого допустить не могутъ. Мы совершенно увѣрены, что вы — герцогъ. Человѣка называютъ именемъ, какое онъ носитъ, а не тѣмъ, какое ему заблагоразсудится. Еслибъ герцогъ Миддлсексъ назвался мистеромъ Смитомъ, онъ, все равно, былъ бы герцогомъ; не правда ли, мистеръ Джирнингемъ? Весь свѣтъ звалъ бы его герцогомъ. То же должно быть и съ вами. Я не назвалъ бы вашу свѣтлость мистеромъ... вы знаете, что я хочу назвать, но я никогда болѣе не выговорю этого имени — ни за что въ мірѣ.

Роденъ сильно нахмурился.

— Обращаясь къ цѣлому департаменту, — продолжалъ Крокеръ, — прося его, въ виду его собственной чести, называть нашего дорогого и высокочтимого друга, при всѣхъ случаяхъ, его настоящимъ именемъ. Пью за здоровье герцога ди-Кринола!

Въ эту самую минуту Крокеру принесли его завтракъ, состоявшій изъ хлѣба съ сыромъ и кружки пива. Онъ поднес оловянную кружку ко рту и выпилъ во славу своего аристократическаго пріятеля, безъ всякой мысли о насмѣшкѣ. Для Крокера было великимъ дѣломъ находиться въ соприкосновеніи съ чело-вѣкомъ, обладающимъ такимъ аристократическимъ титуломъ. Въ глубинѣ души онъ благоговѣлъ передъ герцогомъ. Онъ охотно бы просидѣлъ здѣсь до шести или семи часовъ, исправилъ бы за герцога всю его работу, только потому, что герцогъ, — герцогъ. Онъ не исполнилъ бы ее удовлетворительно, потому что ему не было свойственно хорошо исполнять какую бы то ни было работу, но онъ исполнилъ бы ее такъ же хорошо, какъ исполнялъ собственную. Онъ ненавидѣлъ работу; но онъ готовъ былъ скорѣй проработать всю ночь, чѣмъ видѣть герцога за работой, — такъ велико было его уваженіе къ аристократіи вообще.